

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

О.Н. ЯНИЦКИЙ

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, ПРОФЕССУРА, СТУДЕНТЫ В 1910–1915 ГГ.

Спасение России заключается в поднятии и расширении образования и знания. Только этим путем возможно достижение правильного государственного управления, только поднятием культуры возможно сохранить сильно пошатнувшееся мировое значение нашей страны

В.И. Вернадский, 1908 г.

Задача сколько-нибудь полного описания учебного процесса и политической ситуации в российском университете начала XX века выходит далеко за рамки данного очерка. Тем не менее, мне казалось, что современному профессору-гуманитарию и его студенту было бы небезынтересным узнать, какой была научная и общественная жизнь этого университета сто лет тому назад. Тогда российская высшая школа, пройдя потрясения первой русской революции, переживала огромный подъем. Несмотря на то, что профессура и студенты подвергались полицейским гонениям, на зыбкость институциональных норм этой школы, в «ней произошел коренной перелом, изменилась система управления, совершилась коренная реформа в системе преподавания. Количество учащихся достигло небывалой в России величины» [1, с. 169]. В данном очерке, достаточно фрагментарном, я опирался на публикации студентов, аспирантов и университетской

Яницкий Олег Николаевич — доктор философских наук, профессор, зав. сектором Института социологии РАН. Адрес: 117218 Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. Телефон: (495) 128-86-76 Электронная почта: yanitsky@mtu-net.ru

профессуры тех лет, а также на материалы собственного семейного архива (*Довнар-Запольский М.В.* (ред.) Сборник статей Студенческого историко-этнографического кружка. 1914 [8]; Юбилейный сборник историко-этнографического кружка при Университете Св. Владимира. 1914 [9]; *Яницкий О.Н.* Семейная хроника. 1852–2002 [13]).

Разговор о студентах надо начать с тех, кто их учил, с той роли, которую играла высшая школа и, в первую очередь, университеты в России начала XX в. «Высшая школа имеет перед собой три совершенно различные задачи. Она должна учить подрастающее поколение, сообщать ему то, что добыто человеческой мыслью, приучать его научно мыслить и научно работать. Она должна являться очагом научного искания, быть центром самостоятельной научной работы. И, наконец, она должна быть носителем просвещения в обществе и народе, оживлять в зрелом возрасте узнанное и пережитое в молодости, распространять новые знания, новые приемы работы и мышления». Но и этого мало: «Чрезвычайно характерной чертой этого года [1908-го. — *О.Ян.*] в истории русской школы является созидательная творческая работа русского общества в создании новых высших школ, школ нового типа» [1, с. 164, 166-167].

Однако в те годы российское общество только начинало осознавать ту роль, которую играют в развитии национальной и мировой культуры ее университеты. Между тем, русская научная мысль уже дала России и человечеству ряд выдающихся умов мирового масштаба, бывших одновременно университетскими профессорами: В.И. Вернадский, Н.Е. Жуковский, Н.Д. Зелинский, И.А. Каблуков, В.О. Ключевский, П.Н. Лебедев, Д.И. Менделеев, И.П. Павлов, В.П. Сербский, К.А. Тимирязев, В.М. Хвостов, Н.А. Умов, С.А. Чаплыгин и сотни других по всей стране, создавших свои школы и имевших многочисленных учеников и последователей. И хотя революция 1905 г. потрясла институциональные основы университетской жизни, я имею в виду, в частности, прекращение занятий в высшей школе во время всероссийской студенческой забастовки (февраль–сентябрь 1905 г.), в целом она не прервала и даже не ослабила научную работу высшей школы.

Университетская профессура, несмотря на периодические притеснения со стороны власть предержащих, имела в те годы высокий социальный статус и была материально обеспечена. Во всяком случае ей не приходилось, как ее нынешним коллегам, работать на трех работах и еще искать «левые заработки». Нет свидетельств и о «теневой экономике» в вузах тех лет. Хотя «Серебряный век», его литература, музыка, опера и балет, русское зодчество уже получили мировое признание, накопление научного потенциала страны совершалось именно в университетах. Как писал в 1911 г. В.И. Вернадский, «высшая

школа не есть *только* учебное заведение; больше того, — она может почитаться высшей школой только тогда, когда она выходит из рамок школы и становится научным учреждением, когда она является независимым центром научной мысли нации» [1, с. 179]. В период конца XIX – начала XX веков научные традиции глубоко вошли в жизнь российских университетов, и подчинить жизнь профессуры бюрократии было уже невозможно, хотя такие попытки периодически предпринимались. И далее: «...можно смело сказать, что пока русские профессора будут стремиться к научной работе и будут научно работать, все стремления министерства <образования> сделать из них приниженных и униженных слуг будут напрасны» » [1, с. 189].

В другой статье под названием «1911 год в истории русской умственной культуры» Вернадский по поводу репрессий в отношении свободы университетов и их профессуры сказал еще жестче: «Русская умственная культура в XIX и начале XX веков может считаться созданием *общественной самодеятельности*. Государственная организация большею частью явилась враждебным ей элементом <...> Наиболее резко эти антикультурные тенденции сказались в ведомстве, прямой государственной функцией которого должна была бы являться работа на пользу русской умственной культуры, — в ведомстве Министерства народного просвещения» [1, с. 186].

В период 1905–1911 гг., несмотря на сложную политическую ситуацию, российские университеты были достаточно демократическими организациями. После опубликования 27 августа 1905 г. «Временных правил об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения» их ректоры стали избираться. По инициативе автономных органов университетского самоуправления была разработана и проведена реформа преподавания, ядром которой стало введение предметной системы обучения. Институт приват-доцентов, создав коллегию младших преподавателей, тем самым усилил роль молодых научных и преподавательских кадров. Далее, институт высшего образования, говоря современным языком, неуклонно диверсифицировался — развивались высшее женское образование (Высшие женские курсы в Петербурге с отделениями в Киеве и Одессе), коммерческие институты, новые высшие технические школы, были созданы Психоневрологический институт, Институт сельского хозяйства. В 1908 г. открылся Московский городской университет им. А.Л. Шанявского¹, подчиненный не Министерству образования, а Московской городской думе. Развивалась Академия наук, но параллельно стали возникать специализированные исследовательские институты, с одной стороны, и разнообразные комитеты и комиссии,

¹ А.Л. Шанявский (1837–1905) — золотопромышленник, либеральный деятель, меценат.

например, Общество опытных наук им. Леденцова², которые мы бы сегодня назвали неправительственными организациями, — с другой. Научная жизнь высшей школы не только не прерывалась — первое десятилетие XX в. было отмечено ее чрезвычайно быстрым ростом, интересом к ней молодежи. Как писал тогда Вернадский, «молодежь изголодалась знанием, она истомилась безделием».

После революции 1905 г. академическая среда политически расслоилась, но постепенно влияние политических радикалов (социал-демократов и социалистов-революционеров) снижалось. И хотя академическая жизнь никогда в эти годы не была спокойной, конфликты и борьба все более перемещались в правовую сферу, в частности в сферу взаимоотношений «между автономными советами — студенчества и младших преподавателей» [1, с. 165]. Студенческая жизнь в форме кружков, обществ и собраний все более уходила от политических сходов недавнего прошлого.

Представляется, что есть некоторое сходство между современными процессами и тем, что происходило 100 лет назад. Речь идет о некотором «колебательном процессе», которому подвержен институт российской высшей школы, если смотреть на него в более широком и протяженном — экономическом и политическом — контексте. В общем и целом академическая профессура чужда политике — ей нужны нормальные условия для работы, в политику она идет от безвыходности положения. Тогда, в начале XX века, периодически находясь под бюрократическим прессом, не имея возможности влиять на управление университетской жизнью и не желая опускаться до уровня наводнивших вузы бюрократических «назначенцев», академический персонал ушел, в очередной раз, в науку. Что позволило ему не потерять профессиональные навыки и перенести тяжелые годы безвременья и реакции.

Как писал Вернадский, «русские ученые совершили свою научную работу *вопреки* государственной организации, при отсутствии элементарных условий общественной безопасности» [1, с. 189]. И, в конечном счете, победили, потому что, когда бюрократический пресс ослабел, они оказались востребованными именно в академической работе, так как ее основой является научное и прикладное знание. Поэтому мне кажется, что по мере того, как современные российские университеты будут не только работать «на вынос», снабжая бизнес и властные структуры высококвалифицированными кадрами работников умственного труда, но и станут серьезными исследовательскими центрами, их социальный статус, ресурсное обеспечение и престиж

² По имени крупного российского промышленника Х.С. Леденцова, завещавшего средства на развитие научных исследований.

будут возрастать. Конечно, сегодня ситуация сложнее, потому что уже появилось множество негосударственных исследовательских центров и фондов, в том числе зарубежных, с высоким уровнем финансирования, и потому что для такого поворота требуется изменение общих правил игры.

Поколение начала XX века: среда, атмосфера, ценности

Здесь опять есть основания для параллелей с нашим временем. Это было время тревожное, колеблющееся, неустойчивое. Проигранная русско-японская война, революция и последовавшая за ней реакция породили страшные перепады в общественном сознании, в самоощущении поколения, вступавшего в студенческий возраст. Революция 1905 года была «точкой отсчета» всех разговоров и дискуссий в студенческой среде последующего десятилетия. В такие периоды дети выросли гораздо быстрее, потому что хотели (и должны были) самоопределиваться, решить, как строить свою жизнь дальше. Карьера университетского преподавателя (профессора), особенно по сравнению с уделом тяжелой рутины гимназического учителя, была весьма привлекательной. Кроме того, успешно окончившие университет получали титул личного дворянина. В одной ситуации резко отличалась: поступить в университет было относительно легко, а вот закончить его, сдав многочисленные экзамены, было далеко не всем под силу. Тем более — написать дипломную работу, получив за нее золотую медаль, что давало шанс остаться в университете в качестве младшего преподавателя. Надо сказать, что и тогда были более и менее «качественные» вузы. Последнее измерялось не столько их престижем, но, прежде всего, уровнем преподавания. Так, сестра отца Вера Яницкая, не удовлетворенная качеством преподавания в Одессе и Киеве, в 1908 г., в конечном счете, перебралась в Санкт-Петербург, став слушательницей Высших женских курсов (Бестужевских).

Еще одна важная сторона: все строили планы. З. Бауман, У. Бек и другие западные социологи утверждают, что «индивидуальный жизненный проект» есть продукт позднего модерна. Возможно, как массовое явление это так. Но в то время жизненный план был способом самоопределения. В нем очерчивался круг знаний и умений, необходимый, по мнению молодых, для вхождения в ту, очень непростую, жизнь. Поэтому неудивительно, если в их дневниках обозначен весьма широкий круг областей знания *помимо своего непосредственного предмета*: философия, политическая экономия, социология, психология. Как записал в своем дневнике студент О. Шмидт, «сейчас время, пожалуй, совершенно аполитичное, но без четких политических убеждений всё-таки жить тяжело...». Поэтому, когда в подобных дневниках встречаются «уроки себе» типа «за лето должен подучить английский, а зимой в трамвае — французскую грамматику», это не кажется преувеличением, тем более что российская гимназия давала

знание латыни и греческого. Более того, семейные архивы, да и не только они, говорят о *призвании*.

Огромную роль в становлении личности будущего студента в ту пору играла семья. «Большая семья» Яницких была разбросана по десятку городов и сел — Петербург, Москва, Киев, Одесса, Варшава, Семипалатинск, деревни Гнивань и Вапнярка, где жили ближайшие родственники, и др. Но на праздники, семейные и христианские, она обязательно собиралась вместе. Дом Яницких был открытый, и там часто собиралась молодежь, общение шло по самым разным направлениям, о чем скажу позже. Характерный факт: мой дед, военный врач, находясь во время русско-японской войны в Маньчжурии, писал своей дочери, Вере Яницкой, длинные письма на нравственные и политические темы. Вот отрывок из такого письма, показывающий, сколь серьезные вопросы дед считал необходимым обсуждать со своей 15-летней дочерью: «Ты увлекаешься теперь происходящим движением в России. Я сожалею, что не с вами теперь, и не могу делиться с Вами моими взглядами и живым словом! Тем не менее скажу хоть несколько слов в письме. По существу это движение мне не симпатично, ибо желая сделать для России якобы лучше в одном, — оно губит Россию в другом. Мнящие себя передовыми людьми — что же сделали <они> хорошего для России? Они — воспользовались в высшей степени затруднительным и тяжелым положением России вследствие войны — и стали вырывать у правительства согласие и разрешение на всякие реформы!

Вдумайся хорошо: правильно ли, честно ли так поступать, — о чем это говорит? — О любви ли к Родине, о желании искреннем ей улучшения, добра, блага, или о корытном властолюбии и честолубии добиться своего путем насилия из-за угла? Россия изнывает на поле брани, а оставшаяся дома интеллигенция занимается тем, что четвертует и колесует бедную Россию, отвлекает силы и внимание от общего первейшей важности ратного дела, смущает умы и дома и на полях брани в войсках, распространяя пропаганду всякую и достигает того, что военное дело мало успешно, а там — дома — готовится похищение власти из одних рук старого правительства в другие руки под видом европейского соуса, именуемого революцией, конституцией и пр.

В данном случае интеллигенция поступила в отношении Родины предательски, она сыграла роль пошлого ростовщика, который с наслаждением пользуется тяжелым безысходным материальным бедствием ближнего, чтобы при займе ему денег содрать с него как можно больше процентов! Если бы люди, мнящие себя передовыми в России, — желали искренне добра Родине, — они, как это делали и делают и теперь во всех народах и государствах мира, прежде всего, сплотились все как один для одоления врага на поле брани, ибо там

решается теперь судьба России — и государственная, и политическая и экономическая, — а затем, покончив с этим величайшим делом, — занялись бы всеми силами устройением дел и у себя дома, их реформированием, изменением, организацией. Так говорит здравый разум! Не то сделали интеллигенты русские, они поступили наперекор здравому смыслу и послужили по праву посмешищем в Европе и даже в Японии, в руку которой они так много сыграли!» (Ф.Ф. Яницкий — дочери Вере из Маньчжурии, 28.04.1905; архив автора).

Но дело заключалось не только в постоянном общении членов тогда, как правило, больших семей. Юноши и девушки чувствовали свою ответственность перед семьей, помогали ей материально, давая частные уроки. Этот нравственный долг воспитывал характер, волю, дисциплинировал. Хотя мой дед, Ф.Ф. Яницкий, был дипломированным военным врачом и статским советником, он никогда не вел частной практики. Поэтому денег постоянно не хватало, и моя бабушка часто обсуждала финансовые дела семьи со старшей дочерью Верой. К тому же приютить и обогреть считалось в семье первейшей нравственной обязанностью. Одних звали просто погостить, других — сообща решить семейные проблемы, третьих — устроить на лечение, четвертые приезжали сами, как они говорили, «на день-два» и застревали на несколько недель, в поисках работы и т. д. Традицией были и ежедневные семейные обеды (или вечера), на которых собирались не только члены семьи и гости, но и друзья сына и дочери. С университетских лет отца Отто Шмидт и Борис Зепалов были полноправными членами «большой семьи». А это означало бесконечные споры, домашние концерты и спектакли, совместные посещения оперы, загородные прогулки. Дача деда в Святошине (тогда пригород Киева) на лето становилась «молодежным центром». О культурных предпочтениях семьи Яницких свидетельствует сохранившийся в моем архиве список портретов, висевших в «зале» их киевской квартиры: Н. Гоголь, В. Белинский, Т. Шевченко, В. Гаршин, Ф. Достоевский, Вл. Соловьев, Н. Михайловский, И. Тургенев, А. Чехов, Л. Бетховен, А. Рубинштейн, Ф. Шопен. Только перечень опер, которые совместно посетили мой отец, его сестра и Отто Шмидт, занял бы, наверное, полстраницы! А билеты в то время были дешевые, особенно на галерку, не говоря уже о бесплатных летних концертах в Купеческом саду.

Но общение личное было только частью семейной среды. Другая, не менее важная, — это постоянная, подчас почти ежедневная переписка (иногда по 400–450 писем в год). Скрепляя и поддерживая связь между постоянно перемещавшимися членами семьи (помимо служебных командировок деда и его участия в трех войнах, семья часто меняла место жительства), личная переписка играла огромную культурную роль, формируя характеры ее молодых участников, заставляя четче формулировать свои мысли и нравственные позиции и вообще

прививая навыки столь необходимой для университетской жизни рефлексии. Я уже не говорю о том, что без семейных архивов мы ничего не узнали бы о жизни семьи и ее действительных пружинах.

Но и этого мало. В ту пору получил распространение приватный студенческий семинар или, как его тогда называли, «домашний кружок». Как явствует из семейного архива, целью такого кружка, созданного Верой Яницкой и ее ближайшими друзьями в 1910 г., было «высшее интеллектуальное наслаждение», то есть свободная дискуссия на самые различные темы³. Хотя в университете были кружки на всех факультетах, тем не менее, молодые люди, видимо, считали, что сугубо профессиональных знаний им недостаточно. Поэтому на заседаниях домашнего кружка обсуждались самые различные темы — от докладов «Схемы экономического развития вообще и России в частности» и «Кое-что о Туркестанском крае вообще и о Ташкенте и сартах в частности» до диспутов на тему «Национализм и космополитизм» и «Что такое любовь и какие факторы способствуют ее усилению и ослаблению».

Но вот, пожалуй, ключевое событие. На заседании 19 апреля 1910 г. Вера защищала тезисы «Некоторые принципы дошкольного воспитания». Их было девять: (1) единство метода в воспитании, (2) гармоничное развитие души и тела, (3) общие принципы воспитания для мальчиков и девочек, (4) индивидуализация воспитания, (5) любовь к детям и к дому, (6) нравственный авторитет и личный пример <взрослых>, (7) отсутствие наказаний, (8) уважение к личности ребенка и (9) полное взаимное доверие. Ключевое, прежде всего, потому, что Вера Яницкая тем самым заявила принципы, которым она потом следовала всю жизнь [15, 16, 14]. Очевидно также, что названные

³ Был разработан устав кружка: его председатель избирался на одно заседание тайной подачей голосов; после голосования члены кружка не имели права брать свои голоса обратно; каждый из его членов имел право интерpellации: кворума не существовало; новые члены принимались только единогласным решением; наконец, «предложения, по которым докладчик отказывается дать мотивировку, не голосуются». Формы работы кружка были на удивление разнообразны: доклады, диспуты, запросы и даже анкеты. Как написала Вера Яницкая, «анкеты проходили довольно живо и интересно и были едва ли не самым удачным родом деятельности кружка». Сохранились протоколы 13 заседаний кружка: семь — за период с 1 марта по 26 апреля 1910 г. и пять — с 15 марта по 26 апреля 1911 г.

Полного списка членов кружка я не обнаружил, но сохранились 8 визитных карточек его членов. Вот их имена: Евгений Карлович Бетгер, Тимофей Арсеньевич Горский, Федор Анатольевич Гросман, Сергей Михайлович Яницкий-Василенко, Григорий Иванович Павловский, Отто Юльевич Шмидт, Вера Федоровна Яницкая и Николай Федорович Яницкий.

принципы — не были только вычитаны этой студенткой Высших женских курсов из книг, но также представляли собой рефлексию по поводу методов воспитания детей, практиковавшихся в ее семье.

Как свидетельствует семейный архив, отец Веры, помимо упоминавшихся политических, постоянно вел с нею беседы о значении психологии и психоанализа, детской и подростковой педагогики, посылал ей в Петербург книжные новинки, сообщал об интересных докладах ведущих психологов. Возможно, что это также предопределило не только профессиональную карьеру Веры Яницкой (Шмидт), но и всю линию жизни. Она стала известным психоаналитиком, секретарем Русского психоаналитического общества, участвовала в работе двух Международных психоаналитических конгрессов (1925 и 1927 гг.), работала с русскими психологами и психоаналитиками — Л.С. Выготским, И.Д. Ермаковым, Д.С. Фурсиковым, была знакома с З. Фрейдом и его дочерью психологом Анной Фрейд. В.Ф. Шмидт общалась с К. Чуковским, который использовал ее наблюдения за развитием сына в своей книге о мышлении и психологии детей «От двух до пяти». И все время продолжала заниматься самообразованием. Так что «непрерывное образование», о котором сейчас так много говорят, тоже дело не новое [13, с. 79-82].

Наконец, о терпимости, из-за которой сегодня сломано столько копий. Конечно, ситуация в России 1905–1914 гг. радикализовала мышление молодежи, заставляла настоящих и будущих студентов политически определяться. Тема «На чьей стороне я был бы, если революция 1905 года происходила сейчас?» постоянно дискутировалась. Но опыт старших звал к терпимости. Высшей ценностью для моей бабушки, Елизаветы Львовны, была семья. И это не пустые слова. Потеря двух детей, тяжкий опыт земского врача, спасение человеческих жизней во время еврейских погромов, наконец, постоянная боль за сестру и племянника-каторжника научили ее ценить человеческую жизнь. Поэтому критические ситуации в среде молодых она оценивала с позиций семьи с большой буквы. Дед, будучи убежденным монархистом и государственным служащим, считал, тем не менее, своим христианским долгом помогать материально этому политическому заключенному в течение 10 лет.

Учеба и научная работа

Здесь я поставил бы на первое место труд, привычку к систематическому овладению знанием, самодисциплину. Огромную роль в воспитании этого качества сыграла гимназия. Несмотря на жесткость распорядка и «зубрежку», известные нам по многочисленным свидетельствам ученых, писателей и дневников самих педагогов⁴, гимназия

⁴ О жизни российской гимназии 1900–1920-х гг. написано много у М. Булгакова, В. Каверина, К. Паустовского и других писателей. Особенно

не только дисциплинировала — она очень многое давала. Я сам учился в 1940-х гг. в одной из лучших (бывших) гимназий Москвы, и могу сказать, что ее дух сохранялся и тогда.

Некоторое представление о том, какое значение университет придавал самостоятельной научной работе студентов, дает серия сборников работ, членов Студенческого историко-этнографического кружка при Университете Св. Владимира (Киев) под руководством видного киевского историка и этнографа, профессора Митрофана Викторовича Довнар-Запольского. Идея создания кружка была выдвинута Довнар-Запольским еще в 1902 г., затем был разработан его устав, который утвердил министр народного просвещения в сентябре 1903 г. Учредителями кружка был сам профессор, преподаватели и студенты. Всего за 10 лет состоялось 64 его заседания, причем если в первые годы существования кружка проводилось по 4–5 заседаний в течение учебного года, то в 1911–1912 гг. их было уже по 17–19 в год. Выступали с докладами, речами и сообщениями как маститые ученые и преподаватели, так и студенты. Поначалу кружок посещали студенты и преподаватели разных факультетов, включая естественнонаучные, однако постепенно тематика суживалась, и к 10-летнему юбилею это был уже вполне профессиональный кружок.

В своей работе члены кружка широко использовали периодические издания того времени, например, многотомную «Русскую историческую библиотеку», но также и местные источники, скажем, «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера». Однако занимались студенты не одной только академической работой. Под патронатом Московского археологического общества они выезжали на полевые работы в Тульскую и Подольскую губернии, работали в архивах городов Петербурга, Москвы и Екатеринослава. Под руководством Довнар-Запольского в 1910–1911 гг. были осуществлены экскурсии в Москву «для обозрения исторических памятников и для знакомства с архивами, а летом 1911 г. — в Новгород на XV Археологический съезд». Студенты периодически выезжали на раскопки, работали в государственных архивах, в частности Московском главном архиве министерства иностранных дел — чрезвычайно обширном, хранившем архивы отдельных российских городов, в Архиве министерства юстиции, Киевском центральном архиве. Члены кружка широко пользовались изданиями местных обществ любителей древности и общественных библиотек, например, библиотекой Общества истории и древностей

мне представляется интересным дневник словесника Н.Ф. Шубкина «Повседневная жизнь старой русской гимназии» (СПб: Изд-во РХГУ, 1998), подготовленный и опубликованный его сыном социологом В.Н. Шубкиным.

в Риге, а также собственным архивом библиотеки университета Св. Владимира. В 1911 г. при кружке был основан собственный археологический музей, поддерживаемый частными пожертвованиями, в том числе от членов кружка. Всего за годы существования кружка в нем активно работало более ста студентов и преподавателей, многие из которых стали позже видными российскими историками — В.М. Базилевич, А.М. Гневушев, Б.Г. Курц, П.П. Смирнов и другие. Замечу, что члены кружка не только учились и изучали, но и вполне профессионально относились к собственной деятельности. Фиксировалось членство кружка, велись протоколы заседаний, собирался его архив.

Тематика докладов, рефератов и сообщений была очень широкой: от вопросов философии и социологии Г. Спенсера, бытовых и философских основ славянофильства и до истории научных студенческих кружков в русских университетах, от рефератов научных новинок и до биографических портретов их авторов, от отчетов о летних командировках в архивы столиц и уездных городов до проблем экономической истории и исторической географии, от рецензий на текущую историческую и экономическую периодику до анализа взглядов на предмет и метод исторического исследования. Большое значение придавалось источниковедению, в частности, оценивались описания путешествий по России как исторический источник, анализировалась степень достоверности писцовых книг, изучались подворные переписи, исследовались возможности статистических методов в историческом исследовании и даже методологические приемы при разработке цифрового исторического материала.

Работы членов кружка помимо упомянутых сборников периодически публиковались в виде статей в журналах и отдельных брошюр. Например, в журнале «Университетские известия» за 1904 г. вышли три статьи А.М. Гневушева «Политико-экономические взгляды гр. Н.С. Мордвинова», а в 1910–1912 гг. — целая серия статей того же автора под общим названием «Сельское население Новгородской области по писцовым книгам 1495–1505 гг.». В том же журнале в 1907 г. были опубликованы три статьи Е.Д. Сташевского «Опыты изучения писцовых книг Московского государства XVI века». В «Трудах Рязанской ученой археологической комиссии» за 1911 г. — статья М.П. Шиманского «Рязанский уезд в конце XVI и начале XVII вв. по писцовым книгам», в «Журнале министерства народного просвещения» за 1912 г. — статья Б.Г. Курца «Донесения Родеса и архангельско-балтийский вопрос в половине XVII в.». Отдельными брошюрами были изданы «Значение венчания для брака в его историческом развитии на Руси» (Киев, 1908 г.) И.М. Альтшулера, «К истории колонизации Запорожского края» и «Новороссийская казенная школа как образовательный источник Новороссии» (Киев, 1907–

1909 г.) Н.Н. Терновского. Публиковались даже отчеты о летней практике (работа в архивах, на раскопках). Замечу попутно, что на рубеже XIX–XX вв. была чрезвычайно развита социальная статистика, особенно земская. Дед и бабушка, проработав после университета два года земскими врачами, опубликовали несколько подробных отчетов об уровне медицинской помощи в Полтавской губернии [13].

Итогом учебы, как и ныне, была дипломная работа. О серьезности труда такого типа свидетельствует сохранившаяся работа моего отца, Н.Ф. Яницкого: «Экономический кризис в Новгородской области XVI века (по писцовым книгам)» (Киев, 1915). Это печатный труд объемом 366 стр. (более 25 авт. листов!) с литературой более ста наименований и обширными комментариями и пояснениями. 235 страниц книги составляли «Приложения», то есть извлечения из первоисточников, коими для изучаемого периода были писцовые книги (переписи), которые и послужили исходным эмпирическим материалом. Автор посвятил значительную часть работы обоснованию отбираемых источников и методике работы над ними. Иными словами, это было довольно серьезное исследование социально-экономического и демографического кризиса данного региона. Я не историк и не могу оценить степени оригинальности этого труда, но, судя по тому, что он был удостоен золотой медали и что отец был рекомендован для подготовки к профессорскому званию (по нашим понятиям, в аспирантуру), эта работа не была просто «уроком на заданную тему», а представляла научную ценность. Характерно также, что, судя по другим студенческим публикациям отца, он под руководством своего профессора М.В. Довнар-Запольского в течение всех университетских лет углублял и развивал одну тему.

Политизация и общественный интерес

У меня нет прямых данных для сопоставлений двух эпох, но научная и мемуарная литература свидетельствует о высокой политизации общественного сознания российского студенчества тех лет. Я имею в виду не политическую (партийную) принадлежность, хотя это тоже было важно. Скорее речь идет опять же о политическом самоопределении, о личном политическом выборе в эпоху тектонических социальных перемен. Да, студентов привлекала карьера университетского профессора, педагога и ученого. Но, судя по событиям 1911 г., когда студенты 11 вузов Петербурга, а затем Одесского, Киевского (Императорский университет Св. Владимира) и Московского университетов в ответ на запрещение властями студенческих организаций и сходок стали готовиться к длительной (на весь весенний семестр) забастовке, и вслед за тем из Московского университета исключили 370, а по всей России — более тысячи студентов, такой политический выбор многие сделали. Тем более что большинство их любимых профессоров были уволены или по-

дали в отставку (любопытная деталь: тогдашний министр образования Л.А. Кассо для «исправления положения» предлагал «отправить за границу достаточное количество молодых людей для подготовки к профессуре...») («Новое время», 2 февраля 1911 г.).

Как отмечал в своих воспоминаниях мой отец, киевская профессура начала XX века не отличалась передовыми взглядами, во всяком случае, по сравнению с демократически в своей массе настроенным профессорско-преподавательским составом высших учебных заведений Москвы и Петербурга. В тяжелые годы Первой мировой войны, особенно после первых ее двух лет, доказавших неспособность властей справиться с внешним врагом и нарастающей внутренней экономической разрухой, в широких слоях российского общества началось брожение на почве недовольства политическим режимом, «распутинщиной» и приближающимся хозяйственным крахом. В эти месяцы раздумий, колебаний и ожидания событий национального масштаба в середине 1916 г. возникла «Молодая академия». Представляла она собой неформальное сообщество молодых научных работников и преподавателей высших учебных заведений Киева «за чашкой чая». Собирались на квартирах участников сообщества, где могли разместиться 15–20 человек. Беседы велись, главным образом, на общественно-политические темы, однако обменивались мнениями и по философским, этическим и литературным вопросам. Докладов обычно не было — происходил свободный обмен мнениями по проблемам, волновавшим киевскую интеллигенцию в то время. Никаких решений или резолюций не принималось, тем более — конкретных политических шагов. При политически пестром составе «Академии» они были просто невозможны.

Бурный 1917 г. привел к глубокому расщеплению «Академии». Падение царского режима приветствовали все, но последующее углубление революции ее участники представляли по-разному. «Академия», как и вся интеллигенция тех памятных лет, напоминала большую семью на пороге ее неизбежного разделения. Различие мнений нарастало с каждым собранием, с каждым поворотом политических событий. Страсти накалялись все больше, и, в конечном счете, произошел распад этого сообщества — «Молодая академия» прекратила свое существование в конце 1918 г. [12; см. также: Архив РАН. Ф. 496. Оп. 2. Д. 36. Л. 1].

Я говорю обо всем этом потому, что вопрос объяснения практически тотального неучастия российских студентов в событиях перестройки, распада СССР и последующих реформ остается открытым. Это кажется особенно странным на фоне демократических и иных перемен в Западной Европе и Юго-Восточной Азии, где студенты были если не мотором, то, во всяком случае, активным субъектом социальных преобразований. Не вижу я и в современном российском студенчестве не только общественного интереса как ориентации на общее благо, но и

простой корпоративности, стремления отстаивать собственные интересы. Бьются за выживание высшей школы их преподаватели, профессора, объединение ректоров. В одном из интервью, правда, в Тартусском университете, я получил такой ответ на свой недоуменный вопрос о причинах такой пассивности: «Вы, люди старшего поколения, все это затеяли, жили, а потом боролись с этим. Мы же хотим только учиться, надо готовиться к карьере». Возможно, это и есть ответ.

История и социология

Читая студенческие работы тех далеких лет, я все время задавал вопрос: а так ли уж далеки друг от друга эти дисциплины? Сегодня редко какой студент или аспирант-социолог интересуется социальной историей России, во всяком случае, я не встречал в их работах ссылок, например, на фундаментальный труд Б.М. Миронова [7]. Большинство скользит по поверхности, вслед «за бегущим днем». Интерес к истории, длинным волнам социальной динамики приходит обычно позже. Для историка же архив (в широком смысле) — главный первоисточник. Не исключено, что интерес отца и его коллег по кружку к кризисному периоду русского государства и общества XVI-XVII вв. побуждался кризисным состоянием современного им общества. Но все же: так ли далеки друг от друга история и социология?

Рискну сказать: совсем нет. Вот, судя по публикациям, круг проблем, изучавшихся этими молодыми историками: социально-экономические кризисы, демографическая ситуация и миграция, роль государства в хозяйственной и общественной жизни, город и деревня, мотивация людей и их повседневные практики, семья и ее хозяйство, взаимоотношения социальных и этнических групп, уклад жизни местных сообществ, биографии выдающихся ученых и политических деятелей, прошлых и современных. Если к тому же вспомнить, что с начала XX в. работы европейских социологов стали переводиться на русский, что М. Вебер написал специальную работу, посвященную первой русской революции и что при ее написании он пользовался материалами Б. Кистяковского, что «Протестантская этика» Вебера оставила глубокий след в творчестве С. Булгакова (см. подробнее о взаимовлиянии русской и немецкой общественной мысли в блестящей работе Ю.Н. Давыдова [3]), то можно убедиться, что предметные области историков Руси XVI-XVII вв. и социологов начала XX в. явно пересекались.

Хотя термин «экология» еще не вошел в оборот гуманитарных наук, социально-экологическая проблематика была для российских историков весьма актуальной. Как в своем «нормальном» понимании (микромир семьи, типы сельских и городских сообществ, их внутреннее «зонирование», конфликты, взаимодействие с землей, природой, структура и потоки трудовых ресурсов), так и в понимании кри-

зисном (голод, мор, эпидемии, последствия стихийных бедствий, силовое перераспределение собственности). В упомянутой работе Н.Ф. Яницкого он опирается на работы В.В. Докучаева и других выдающихся русских почвоведов о типах российских почв и их плодородии. Что уже совсем близко к методологии социоестественной истории, развиваемой сегодня Э.С. Кульпиным и его коллегами [5, 6]. Не было тогда термина «экологическая катастрофа», но кризис трактуется как слом всей социально-экологической системы (речь шла о Великом Новгороде), как полный упадок, запустение: «...распросить в том погосте не у кого, потому что попов и детей боярских и крестьянских нет» (из Новгородской писцовой книги).

А общее в источниках и методике их обработки? Естественно, что массовых опросов не было. Но, оказалось, что и в XVI в. делались «расспросы на месте», изучались «случаи», а позже анализировались личные дневники исторических фигур. Важным источником первичной информации были справочные издания, в том числе вышедшие за рубежом. Я много раз говорил своим аспирантам, что, скажем, справочника «Москва. 1912» или «Киев. 1914» вполне достаточно для написания диплома или даже главы диссертации по городской социологии, гражданскому обществу или общественным организациям начала XX в. Но — нет, куда там, «хочу обязательно что-нибудь современное».

Писцовые книги — основной архивный источник — содержали не только агрегированные сведения (по городам, сельским поселениям, монастырям, приходам и др.), но и в ряде случаев спускались до самого низа, то есть до имени и фамилии владельца конкретного участка земли (двора). Степень детализированности этих источников иногда просто поразительна: например, «выбывшее» население было разбито на 4 категории (смерть, бегство, насильственное переселение, причина неизвестна) с детализацией по 34 пунктам: от «збежал от голоду» до «утонул» или «древом в лесе убило». Причем студенты, когда это было возможно, использовали «лонгитюд», сопоставляя данные переписей за весь XVI в. Специально изучались методические вопросы: достаточна ли выборка, сделанная писцами того времени, обязательно старались перекрестно использовать источники, стремились, чтобы статистически ошибка не превышала 4–5%. В 1912 г. отцом был сделан специальный доклад о методологических приемах при разработке цифрового исторического материала [10]. Так или иначе, учет всех обстоятельств «времени и места» считался у учеников Довнар-Запольского хорошим тоном.

Наконец, на мой взгляд, принципиальный момент: профессор стремился сделать своих учеников самостоятельными, критически мыслящими. На эту задачу работало всё — высокий профессиональ-

ный и публичный статус кружка, участие в нем преподавателей и студентов на равных, постоянное ознакомление с новинками научной литературы и их обязательное реферирование (метод работы, почти ныне забытый), обязательные прения по сделанным студентами докладам, их самостоятельная работа в архивах, на раскопках, кропотливая подготовка докладов к печати (сверка библиографии, примечания, сноски). И самое главное: обучение навыкам критического отношения к источникам, развитие способности вырабатывать и аргументировать свою точку зрения. Поэтому не случайно в публикациях членов кружка я находил полемику с концепциями и выводами маститых ученых, особенно в итоговом, «Юбилейном сборнике»⁵.

Остается вопрос, почему кружок назывался историко-этнографическим, хотя опубликованные им работы были по содержанию историко-экономическими, социально-историческими и биографическими (кружок поддерживал тесные связи с семинаром по психологии того же университета). Думаю, возможны два объяснения. Поскольку устав кружка утверждался на самом «верху», его название, скорее всего, было придумано именно там — так им было спокойнее, без политики. Или, что менее вероятно, название было жестом официального демократизма, показного внимания верхов к культурному разнообразию страны.

Сравнивая авторский состав и содержание «Юбилейного сборника» с другими публикациями членов кружка, их перекрестное цитирование, можно сделать еще один вывод: это был не просто «кру-

⁵ Приведу названия статей Юбилейного сборника, посвященного итогам десятилетней работы кружка (1903–1912 гг.) [9]: *Яницкий Н.Ф.* Отчет о десятилетней деятельности Кружка; *Сташевский Е.Д.* К истории Смоленской войны: сбор подвод с гор. Москвы в 1632 г.; *Эрнст Н.Л.* Путивль и его посад в первой половине XVII-го века; *Романовский В.А.* Хозяйства монастырских крестьян Любецкой сотни в 1767 г.; *Эрнст Т.Л.* К раскопкам у памятника св. Ирины; *Гневушев А.М.* Сибирские города в Смутное время; *Яницкий Н.Ф.* Северно-русская часовня в конце XVII-го века; *Базилевич В.М.* Из истории московско-крымских отношений в XVII веке; *Полонская Н.Д.* Страничка из истории кабацкого дела XVII-го века; *Терешкевич О.Ф.* Экономическое положение Великого Новгорода во второй половине XVI-го века; *Посникова М.А.* К истории землевладения Новодевичьего монастыря в конце XVI-го века; *Белоцерковский Г.М.* Боровская «разборная» десятина 1622 г.; *Клименко Ф.В.* Из истории финансового строя города Дубно; *Смирнов П.П.* Заметка к истории города Костромы; *Оголевец В.С.* К вопросу о древнерусской торговле; *Кордт В.А.* Донесение И. де-Родеса, посланное из Москвы шведскому генерал-губернатору в Риге, графу Густаву Горну, 20 октября 1652 г. и *Куриц Б.Г.* Город Верхотурье в XVII веке.

жок», а настоящая школа, где младшие учились у старших, и все вместе — у профессора-руководителя и других видных ученых, представляя собой большой, постоянно обновляющийся и накапливавший знания коллектив. Добытые каждым членом кружка знания многократно обсуждались, переваривались, отстаивались. Думаю, что столь серьезная постановка учебного и исследовательского дела дала возможность моему отцу, отрезанному гражданской войной в Крыму 1920 года, прочесть по памяти в Таврическом университете курс лекций по русской социально-экономической истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вернадский В.И.* Публицистические статьи / Отв. ред. В.П. Волков: Наука, 1995.
2. *Вернадский В.И.* Дневники. 1926–1934 / Отв. ред. В.П. Волков: Наука, 2001.
3. *Давыдов Ю.Н.* Макс Вебер и современная теоретическая социология. М.: Мартис, 1998. [Раздел 2]
4. *Занков Л.В., Певзнер М.С., Шмидт В.Ф.* Трудные дети в школьной работе. Методологическое пособие. М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во, 1933. [Главы III, VII и X]
5. *Кульпин Э.С.* Социоестественная история: предмет, метод, концепция. М.: Открытый университет, 1992.
6. *Кульпин Э.С.* Бифуркация Запад-Восток. Введение в социоестественную историю. М.: Московский лицей, 1996.
7. *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX вв.). В 2-х томах. СПб.: Дмитрий Булавин, 1999.
8. Сборник статей Студенческого историко-этнографического кружка / Под ред. М.В. Довнар-Запольского. Вып. III. Киев, 1914.
9. Юбилейный сборник историко-этнографического кружка при Университете Св. Владимира. Киев: Типография 2-й артели, 1914.
10. *Яницкий Н.Ф.* О статье В.И. Веретенникова о методологических приемах при разработке цифрового исторического материала // Сборник статей Студенческого историко-этнографического кружка / Под ред. М.В. Довнар-Запольского. Вып. III. Киев, 1914. С. 24-25.
11. *Яницкий Н.Ф.* Экономический кризис в Новгородской области XVI века (по писцовым книгам). Киев: Типогр. Императорского ун-та Св. Владимира, 1915.
12. *Яницкий Н.Ф.* Из воспоминаний о школьных и университетских годах Отто Юльевича Шмидта. Рукопись. 1974. С. 21–22.
13. *Яницкий О.Н.* Семейная хроника. 1852–2002. М.: Изд-во LVS, 2002.
14. *Яницкий Ф.Ф. и Яницкая Е.Л.* Исторический очерк 25-летия земской медицины Лохвицкого уезда Полтавской губернии // Земско-медицинский сборник. Издан Правлением Съезда врачей в память Н.И. Пирогова. Вып. VI. 1893.
15. *Schmidt V.* Die Bedeutung des Brustsaugens und Fingerlutschens fuer die Psychische Entwicklung des Kindes. Imago. 1926. Bd. XII. Heft 2/3.

16. *Schmidt V.* Die Entwicklung des Wisstriebes bei einem Kind. Imago. 1930. Bd. XVI. Heft 2.